

Т.П. Буслакова

«Дума» (1838)

Обозначение жанра обращало к творчеству поэта, со времени трагической гибели которого прошло двенадцать лет. Думы получили распространение в поэзии К. Рылеева. Их предметом были события русской истории, и сопоставление с ними придавало стихотворению Лермонтова особый смысл. Его поколение включалось в историческую цепь, в сравнении с отцами и потомками выявлялись его особенности.

Настроение лирического героя, выраженное в первой же строчке, подтверждено инструментровкой текста. Его пронизывает ассонансный звук «у», активизирующийся в отдельных строчках:

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее иль пусто, иль темно...
...
К добру и злу постыдно равнодушны...
...
Мы иссушили ум наукою бесплодной...
...
Толпой угрюмою и скоро позабытой...

От имени представителя этого поколения («мы») лирический герой перечисляет черты, обрисовывающие «толпу угрюмую» своих ровесников. Они вошли в мир «до времени созрелые», рано, еще «в начале поприща», осознав, что деяния отцов были ошибкой. Разочарование, равнодушие к жизни («...под бременем познания и сомненья...»), «И жизнь уж нас томит...») становятся доминантой их мироощущения. Каждый из них одинок, замкнут без надежды на понимание и веру в их силы:

Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.

Душе лирического героя недоступен «восторг сладостный» наслаждения «созданиями искусства» или любви. В ней царит «холод тайный» (впечатление заострено анти-тезой «холод» — «огонь кипит в крови»), скука («...скучны нам... забавы...»):

Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.

Жизнь для этого поколения бессмысленна, оно не надеется оставить след в мире, назад «глядя насмешливо», а впереди ожидая только бесславную кончину («И к гробу мы спешим без счастья и без славы...»).

Однако несчастья его ровесников вызывают у лирического героя не только печаль, но и негодование. Исповедальный рассказ о поколении превращается в гневную сатиру. Оно оказывается виновником своих бедствий, и его оценка совершается с точки зрения «судьи и гражданина»:

И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

«Промотать» «юные силы», «надежды лучшие» позволило равнодушие к общей судьбе, к истории, отсутствие гражданского сознания. «Познание» должно соединяться с действием, но для «поколенья» оно стало «бременем», соединившись со скептицизмом, «сомнением». Оно отказалось от борьбы с судьбой, проложившей перед ними слишком

«ровный путь», лишив цели в жизни. Однако и это впечатление было иллюзией, так как человека всегда ждут «опасности», конфликты. Ровесники лирического героя оказались «малодушны», оставаясь «рабами» в отношениях с властью, пассивными свидетелями злодеяний:

Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью — презренные рабы.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви...

Такому поколению не суждено ни продолжить «труд» отцов, ни начать новый, который мог бы послужить будущему. Оно пройдет свой путь:

Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.

Для лирического героя этому поколению нет оправдания, чем объясняется презрительная, гневная, безжалостная характеристика его постыдных, позорных черт, обостренная ощущением причастности к ним. Эта причастность позволяет обрисовать внутренние причины «бездействия», глубже проникнуть в тайники души. Опора на субъективный психологический опыт придает портрету поколения достоверность и в то же время позволяет за гражданской инвективой расслышать горькую жалобу героя, сознающего ее бесплодность, бесполезность («наукою бесплодной», «бесполезный клад»).

Жизнь для него «праздник чужой», он чувствует себя «тощим плодом», вянущим «до времени», заглушая в душе благородные порывы, прикрывая их маской разочарованности из-за боязни «насмешки» или «пресыщенья». В его груди таятся и ненависть, и любовь, но это «бесполезный клад», ненужная окружающим ценность. Он ждет счастья, жаждет славы, но опыт убеждает его в их недостижимости.

В портрете поколения высвечивается, таким образом, и другая сторона. Его мироощущение близко романтическому неприятию действительности, оно исповедует абсолютные идеалы и, не соглашаясь на обыкновенную, «ровную» жизнь, отказывается от участия в ней совсем. Вера лирического героя в то, что наступит время, когда человека будут оценивать «с строгостью судьи и гражданина», опровергает «печальное» ожидание пустоты и тьмы в грядущем. Его дума о своем поколении оказывается размышлением о смысле жизни, в котором порыв к его обретению соединяется с ощущением недостижимости идеала.